

СОЦИАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ФОНЕ ПАНДЕМИИ

Коршунов Г.П.

*Институт социологии НАН Беларуси,
Беларусь, г. Минск*

Аннотация. в статье предлагается вариант анализа социальных и социально-экономических процессов, разворачивающихся на евразийском пространстве (на примере Беларуси) в русле набирающих обороты процессов цифровизации на фоне вызовов, спровоцированных пандемией COVID-19.

Ключевые слова: цифровизация, дигитализация, COVID-19, пандемия, гуманитарная экспертиза, глобализация, электронное государство, цифровая безопасность, дистанционное образование, удаленная работа, информационно-культурный шок, аксиологический релятивизм, цифровая грамотность, медиатизация, сетевизация.

...фундаментальный и глобальный характер данной революции означает, что она станет неотъемлемой частью всех стран, экономических систем, отраслей и людей. Поэтому принципиальное значение приобретают внимание и силы, которые мы обращаем на многостороннее сотрудничество, не имеющее научных, социальных, политических, национальных и промышленных границ
К. Шваб «Четвертая промышленная революция» [1]

...главная (возможно, единственная) цель экономической политики сегодня – предотвратить распад общества. Развитое общество не должно позволить, чтобы экономика, в частности судьба финансовых рынков, заставила его забыть о том, что важнейшая роль экономической политики заключается в укреплении социальных связей в условиях экстремального давления.
Б. Миланович «Реальная опасность пандемии – социальный коллапс» [2]

Сложно анализировать ситуацию, находясь внутри нее, а не снаружи. Еще сложнее, когда процессы не стабилизировались, а только набирают обороты. Когда в мире объявлена пандемия, когда страны одна за другой вводят карантин, когда практически каждый день дает новые «антирекорды» смертности от вируса, когда «неизвестное завтра» заставляет человечество замирать в ожидании тотального локдауна и коллапса...

Стресс, вызванный актуальной мировой пандемией, накладывается на бывший до поры до времени латентным «кризис дигитализации» – перспективы технологической безработицы в связи с развитием безлюдных технологий; проблемы цифровой грамотности и коммуникационной инфраструктуры в аспекте развития дистанционных практик образования и работы; аксиологический дрейф традиционных моделей поведения и социальных институтов в условиях перфорации территориальных и культурных границ; вопросы информационной безопасности, вызванные к жизни взрывным развитием информационно-коммуникативных технологий.

Можно говорить, что ситуация «идеального шторма» усугубляется политической турбулентностью, перспективами финансового и экономического кризиса, проблемами миграции, терроризма и прочего. Но нам представляется, что невзирая на все остальные составляющие, главная отличительная особенность современности – это набирающая темп цифровизация. Все остальные элементы во многом являются ее производными. Исключение составляет лишь эпидемиологическая волна, которая захлестывает мир. Но эта волна схлынет. Равно как пройдет и финансово-экономический кризис, который будет вызван карантинными мерами, в том или ином виде принимаемыми практически всеми странами мира.

А вот ценности, модели, практики, институты, которые формируются сейчас (особенно быстро в рамках антивирусных мероприятий) – они останутся, создавая каркас для институтов будущего. И в их основе будут как раз-таки технологические наработки, созданные в первые десятилетия цифровой эпохи. До недавнего времени находившиеся по спудом консерватизма и ригидности массового сознания, они будут выведены на поверхность и проверены на эффективность именно актуальной пандемией.

Так будет по той причине, что сегодня миниатюризация и удешевление коммуницирующих устройств, наращивание мощностей вычислительных машин, глобализация сети Интернет и эволюция поколений беспроводной связи уже поставило человечество в условия трансформации устоявшихся взаимоотношений во всех сферах общественного бытия. С разной скоростью, но в одинаковом «тектоническом» масштабе проходят изменения в трудовых и образовательных моделях, в области медицины и на производстве, в логистике и планировании времени, в организации повседневности и государственном управлении.

Безусловным драйвером этих изменений являются информационно-коммуникативные технологии, трендам развития которых сегодня уделяется главное внимание и со стороны исследователей, и со стороны менеджеров, причем как от государства, так и от бизнеса. При этом цели преследуются скорее тактические – технологический прорыв, выход в лидеры и высокая окупаемость.

Эта установка планомерно реализуется в документах стратегического-программного характера развития разных отраслей народного хозяйства в русле планирования как научно-технического, так и социально-экономического развития страны. Эта же установка находит свое отражение и в нормативно-правовом регулировании процессов цифровизации, в их организационно-методическом сопровождении, в преобладании материально-технических вопросов и т.д. В тоже время стратегические позиции культурного и социального порядка зачастую остаются без должного внимания. Это результат ситуации, когда основной тон в очерчивании контуров цифрового общества задают эксперты в научно-технической и экономической отраслях, которые выстраивают прогнозы развития научно-технической сферы и рассчитывают их экономическую эффективность.

Мы глубоко убеждены, что доминирующий инструментально-технократический подход к анализу и прогнозированию процессов цифровизации нуждается именно и прежде всего в социально-гуманитарном дополнении, в полноценном и всестороннем анализе как ожидаемых перспектив, так и потенциальных рисков цифровизации. Не экономические эффекты должно ставить во главу угла – но человека. Человек является центральным субъектом и фактором цифровизации, главным выгодоприобретателем цифровизации и первым среди тех, на чью долю будут приходиться негативные последствия дигитализации. Вызов, брошенный человечеству со стороны COVID-19 (С-19), только более ярко выделяет эту проблему, подчеркивает сверхзначимость человеческой жизни – ее сохранения и поддержания на достойном уровне.

Уже сейчас, когда пик борьбы с С-19 во всем мире прошел только Китай, очевидно, что самыми важными условиями и факторами борьбы с любым кризисом, являются социальные – социально-экономические и социально-психологические, социально-политические и социально-культурные; вообще все возможные с приставкой «социо». Потому что не только и не столько от государств зависит динамика пандемии, сколько от людей и сообществ, от ценностей, установок и практик.

Вышесказанное полностью релевантно для дигитальной проблематики и ее роли как в контроле пандемии, так и преодолении ее последствий. Развитие процессов цифровизации должно осуществляться не только путем форсированной эволюции технологий – это развитие в обязательном порядке требует актуального и перспективного анализа всех возможных негативных (социальных, культурных, политических, социально-экономических и проч.) последствий их внедрения в общественную практику.

При этом нужно иметь в виду, что цифровые преобразования следует рассматривать в тесной связи с комплексом факторов научно-технического, экономического, политическо-

го, демографического и культурного планов. Так, в частности, определяющее воздействие на жизнь общества имеют темпы и направления научно-технического развития, путем создания смарт-платформ разрушающих традиционное сферное деление общества, где вкупе с процессами цифровизации требуют прожективного анализа особенности внедрения в производственную практику роботов и искусственного интеллекта, нано- и биоразработок, прогресса технологий в области медицины, логистики, образования и т.д.; необходим перспективный анализ результатов экономического роста развитых стран планеты, с одной стороны, с другой – углубления экономической дифференциации различных регионов и стран мира; невозможно обойти стороной политические аспекты актуальной турбулентности и обостряющегося противостояния (вплоть до военного) в мире; все более значимыми становятся вопросы старения населения, его демографического воспроизводства, здорового образа жизни и всех составляющих социального капитала каждой отдельной страны и мира в целом; не хватает системного, социально-экономического и социокультурного осмысления процессов и последствий развития общества в условиях культуры постмодерна и проч.

Иными словами, нужны комплексные гуманитарные исследования ожиданий и готовности общества к переходу в цифровую эпоху развития как экономики, так и всей системы социальных отношений, каждого отдельно взятого социального института. Ибо любой инструмент только тогда дает положительный эффект, когда он, во-первых, находится в руках эффективного пользователя, во-вторых, когда попадает к осведомленному и заинтересованному потребителю. Новые технологии должны быть ориентированы не только на повышение эффективности экономики, но и способствовать улучшению качества жизни отдельного человека с минимизацией всех возможных рисков как для отдельно взятого человека, так и для отдельного общества.

Исходя из этого считаем необходимым изучение воздействия цифровизации на современность – как в аспекте пандемических реакций, так и в рамках прожективного анализа будущего – предварить анализом тех трендов, которые сформировали общество на настоящий момент.

Представляется, что самое важное, с чем мы подошли к концу второго десятилетия этого века – рост благосостояния цивилизации. Конечно, это в первую очередь касается Запада. Но Всемирный банк говорит, что несмотря на разницу по странам и континентам, уровень благосостояния растет во всем мире. Ему вторит ВОЗ, утверждая, что растет ожидаемая продолжительность жизни, растут ее уровень и качество...

Относительно последнего момента со множеством его индикаторов можно было бы порассуждать как о феномене моделирования постиндустриального промышленного развития, но здесь интересен другой разворот – в развитых странах мира со второй половины XX века (или с последней трети, или четверти – не принципиально) фокус внимания переходит с проблемы выживания или наличия жизни на вопросы ее уровня и качества. Это нивелирование критерия прагматики.

Снижение диктата прагматики выживания открывало возможности искать пути к тому, чтобы «жить хорошо», а «хорошо» – оно у всех разное и свое. Развитие производства и экономики (в последнее время главную роль здесь играют, конечно, процессы цифровизации во всех их проявлениях) позволяет строить по-своему разное «хорошее» развитым государствам вообще и каждому конкретному человеку в частности. Потому во главу угла ставится человек со всеми его слабостями, особенностями, наклонностями, девиациями и делинквенциями; в фокусе внимания не общее и объединяющее, а частное и отличающее (социальный квиллидж). Это база для экономики потребления и экономики впечатлений, феминизма и неолиберализма, постфордизма и дополненной реальности.

Факт – человечество стало жить богаче, дольше и лучше. А к хорошему привыкаешь быстро. И мир действительно привык к тому, что в целом последние 30-40 лет мы живем без больших потрясений – и с каждым годом все лучше и лучше. И, понятно, с надеждой на то, что «все лучше и лучше» будет и дальше.

С-19 очень жестко и очень больно ударил по этому хорошему. Ударил по целым отраслям экономики и социальным институтам, по производственным цепочкам и государственным обязательствам перед обществом, по моделям досуга и повседневным привычкам. Мир переживает возвращение прагматики – прагматики выживания. В McKinsey пишут, что население стран Запада, которое не сталкивалось с подобным со времен Второй мировой войны, испытывает невиданный психологический и социальный шок.

Да, каждое государство по отдельности и все вместе еще долго будут анализировать свой опыт пандемии, выстраивая новые критерии прагматики. Возможно, странам постсоветского пространства, чем опыт внекризисного проживания существенно уступает странам Запада, будет проще. Хотя не факт.

Главный социально-психологический фактор, из которого будет расти будущее – индивидуальная значимость опыта переживания эпидемии. Опыт кризиса, который наступил в эпоху благополучия: собственный психологический опыт переживаний и опыт самоорганизации, коммуникативный опыт и опыт кооперирования с ближайшим социальным окружением, опыт взаимопомощи (ее оказания и ее принятия), опыт самоорганизации на уровне групп и сообществ, прежде всего на мезоуровне – взаимодействия медицинских организаций, гражданского общества и бизнеса. И опыт макроуровня – опыт (если он будет) сотрудничества государства и общества, опыт (если он будет) взаимного уважения и взаимного доверия между людьми и властью в условиях проживания пандемии.

Означенные виды опыта экстраполируются на социально-политический уровень – и на сферу межгосударственных отношений в том числе. Но здесь сказать что-то однозначно нельзя; все будет зависеть от результатов, которые пока не очевидны. Те государства, которые первые эффективно справятся с ситуацией С-19, – именно они будут демонстрировать и диктовать миру новые модели взаимодействий и «гражданин – государство», и «государство – мир».

Хочется верить, что прагматика выживания сможет «выскочить из штанов» часто заполошного оперативного реагирования на ситуацию и осознать, что кооперация выгоднее самоизоляции. Что социальная дистанция (к соблюдению которой терминологически ошибочно призывают потенциальных пациентов, путая с дистанцией физической), это не про отчуждение. Это про взаимное уважение и учет потребностей друг друга, про выстраивание общих системы – критериев, практик, ценностей и стандартов. Думаю, что на индивидуальном уровне мы к этому придем как минимум на пике пандемии. На уровне государств... Думаю, что раньше – общемировая пандемия приведет к осознанию необходимости скоординированных мер и общего ответа глобального сообщества.

Сейчас среди определенных кругов популярна идея эпидемиологических доказательствах несостоятельности как паневропейской идеи в частности, так и глобального мира вообще. Дескать, мир побыл глобальным и больше не будет. Но опыт разрушения глобальных связей и торжество протекционизма-самоизоляции человечество уже проходило – во второй четверти XX века. С другой стороны, в последние десятилетия действительно наблюдался опыт угасания глобализационных тенденций: глокализация, финансовые кризисы, миграционные проблемы, торговые войны, волны популизма...

Впрочем, после Второй мировой процессы глобализации только ускорились и вышли на новый уровень, чему весьма поспособствовали новые технологические разработки. Сегодня же, когда достаточное количество цифровых моделей и практик не получали широкого распространения по причине ригидности, консервативности и отдельно взятого человека, и различных социально-демографических групп, и корпоративных интересов – сегодня тренд самоизоляции и национального протекционизма может быть минимальным.

«Цифра», особенно в условиях карантин, получит мощнейший толчок к своему развитию. Уже получает, именно ее потенциал формирует кирпичики будущего. Образовательные ресурсы, развлекательные, культурные – они уже в числе первых, открывших бесплатный доступ для всех. Чем дольше будет карантин, чем больше людей «подсядут» на интернет-платформы, тем быстрее и масштабнее будет принятие новых цифровых моделей.

Сетевая самоорганизация, помощь медикам и старшему поколению – она еще раз докажет эффективность цифровых практик. Психологи говорят, мало что по силе своего воздействия может превзойти кризисный опыт, тем более опыт оказания помощи, – не получения, а именно оказания, – а он вообще уникален.

Удаленная работа – опыт ее освоения и реализации введет новый критерий социальной дифференциации. Безусловно, не для всех, но работодатели в любом случае оценят ее действительную рентабельность в тех экономических условиях, которые уже наступили. Кроме экономических преимуществ, здесь важен критерий профессионализма, который будет складываться не только из знаний и умений, но и из волевых качеств, способностей к самоорганизации и конечно цифровых компетенций.

Безлюдные технологии, как производственные, так и транспортные. Они мало зависят от эпидемиологической ситуации и способны преодолевать карантинные занавесы, выстраивая новую логику мировой экономики. Другой вопрос, что они действительно способны заменить собой добрую часть трудоспособного населения, которой нужно чем-то зарабатывать себе на пропитание. На что будут делать ставку государства, как власть будет договариваться с бизнесом и чем будет обеспечиваться социальная стабильность – большой вопрос.

К вопросу определения альтернатив на государственном уровне, особенно в кризисных условиях недостатка времени и других ресурсов. В ситуации недостатка люди демонстрируют склонность к нерациональному, непрагматичному поведению. Жизнь это позволяет. Теоретически, в развитых странах можно (было?) вообще не работать. Прагматика выбора исчезает, вернее – эстетизируется. Нет онтологической прагматики, критерии выбора равнозначны. Потому ситуации, когда нужно постоянно выбирать между полюсами, множились к торжеству плюральности. В «эпоху короны» эстетизация выбора сменяется новым прагматизмом, пространство выбора будет сужаться и, повторяюсь, то, что государства выстраивают сейчас – это каркасы будущих социальных и политических институтов.

В рамках прогнозирования их специфики и особенностей дальнейшего развития необходим учет следующих закономерностей и трендов, которые еще не получили своего логического завершения и сейчас проходят апробацию в условиях пандемии и сопутствующих ей процессов:

1. Тотальная цифровизация или дигитализация феноменальности – здесь имеется в виду целый комплекс проблем, связанных с нарастающими темпами перевода всех содержаний и процессов в цифровую плоскость. Сейчас не только статистическая и экономическая деятельность переходит на сетевые рельсы. Сегодня происходит оцифровка всех социокультурных и социально-политических содержаний. В цифровой вид переводятся и тиражируются на самые широкие массы населения все социокультурные архивы. Формируются и централизованно собираются «виртуальные двойники» любого объекта и субъекта с подробной фиксацией всех «цифровых следов». Какие социальные (социально-культурные, социально-политические, социально-экономические и проч.) последствия это может иметь:

– *вопрос «электронного государства»* – внедрение в практику технологий электронного государства, а далее – цифрового общества, предполагает как минимум реформирование моделей государственного управления, как максимум – трансформацию всего нормативно-ценностного комплекса государственно-общественных отношений. Без таких изменений (от оперативных – рост должностной компетентности чиновников, ликвидация низкого уровня компьютерной грамотности служащих и т.д., до стратегических – создание единой действующей стратегии реализации целей построения электронного государства, согласованной с комплексом отраслевых и ведомственных документов по реализации этой стратегии) построение электронного государства будет реализовываться формально-симулятивно, замедляя процессы реального управления государством и растрачивая материальные ресурсы. Практики использования элементов электронного государства в частности и оценки деятельности органов власти в период кризиса вообще обозначают конкретные направления и темпы реализации таких технологий;

– *«вопрос цифровой безопасности и этики»* – с технической точки зрения, результаты процессов тотальной цифровизации фиксируются понятием «большие данные» (Big data) и приводят нас к вопросу их использования. Причем не столько инструментальной (которая сулит множество позитивных перспектив), сколько этико-правовой. Здесь можно вспомнить как минимум волну преступлений, связанных с мошенничеством в Интернете, захлестнувшую весь мир, либо опыт Китая по внедрению системы социальных рейтингов или социального кредита. Также возникают определенные нюансы с вопросами государственной и национальной безопасности в условиях цифровизации системы государственного управления с точки зрения противодействия как кибератакам, так и чисто информационному противоборству внешним провокативным «вбросам». Волна фейковой информации и разжигание алармистских настроений в обществе в период пандемии только усугубляет весь перечень означенных здесь проблем. Это с одной стороны, с другой – опыт контроля населения (по крайней мере попыток внедрения и использования таких технологий – Сингапур, Южная Корея, Израиль, Россия) заставит государства обратить пристальное внимание на китайские наработки в этой сфере;

– *вопрос информационно-культурного шока* – всеобщая интернетизация приводит к формированию информационных потоков, который зачастую не сообщает человеку необходимые ему сведения, но ввергает его в ситуацию особого шока – информационного. Далеко не каждый современный человек обладает всеми необходимыми навыками для полноценной эффективной жизнедеятельности в таких условиях, что приводит к постоянным стрессам, фрустрациям и аналоговому эскапизму (отказу от цифровых возможностей). В экономически развитых странах Восточной Азии набирает популярность феномен, который называется хикикомори (условно «городские отшельники») — люди, которые живут в своей квартире, зарабатывают небольшие деньги онлайн, заказывают недорогую еду к собственной двери и наружу не выходят. В США подобные люди известны как «basement dwellers», в Европе — в частности, в Великобритании, как «Not in Employment, Education or Training». Вполне обоснованно можно предположить, что практика социальной (само)изоляции, к которой призывают в условиях карантина, поспособствует популяризации подобных социофобных установок;

– *вопрос аксиологического релятивизма* – перевод всех архивов (исторических, литературных, музыкальных, визуальных и т.д.) в цифровую форму и трансляция на неподготовленную аудиторию. Да, теоретически, человек получает доступ к информации разных эпох и культур. Практически – он оказывается под постоянным натиском образцов, зачастую не релевантных современным социокультурным реалиям. В таких условиях очевидным и абсолютно ожидаемым образом происходит как минимум проблематизация всех социальных и культурных канонов – от эстетических до аксиологических – с перспективой их деконструкции и реконструирования. Означенный тренд определяет необходимость противостояния контрпродуктивной деконструкции как актуальных социальных (социально-политических, социокультурных) процессов в стране, так и ее исторического прошлого. Опять же – как на уровне государства в целом, так и каждого отдельного индивида.

2. Ускорение социальной динамики – развитие цифровых технологий и их внедрение в широкую практику (повседневную, профессиональную, производственную, финансовую и т.д.) делает лишними любых посредников и минимизирует издержки транзакций в каждом виде человеческой деятельности. Коренным образом изменяются традиционные практики, ценности, институты, кроме того, появляются совершенно новые сферы и отрасли жизнедеятельности, регулирование которых – как правовое, так и аксиологическое – катастрофически запаздывает:

– *вопрос управления будущим* – появляются принципиально новые сферы и отрасли жизнедеятельности (как профессиональной, так повседневной), порожденные именно цифровой революцией. Они ставят ребром проблемы перспективного планирования рынков рабочей силы, проектирования новой архитектуры образовательных процессов, разработки концепций новой индустриализации и дезурбанизации, оптимизации систем экспертно-

информационного обеспечения процессов принятия управленческих решений и т.д. Опыт С-19 со всей наглядностью продемонстрировал, что на современном этапе развития государства зачастую неудовлетворительно выполняют функции как кризисного менеджмента, так и стратегического планирования;

– *вопрос актуальной трансформации социокультурных моделей* – ускорение социальной динамики в условиях аксиологического релятивизма приводит к метаморфозам социальных ролей, прежде всего производственных, гендерных и возрастных. В первом случае мы говорим о формировании новых, трансграничных рынках труда, о формировании альтернативных форм занятости (например, таких как фрилансерство), о конвергенции собственно производственной деятельности и непрерывного (само)образования и еще о целом ряде. Во втором случае имеется в виду дрейф гендерно ориентированных социальных норм в самом широком спектре: телесных, эстетических, гастрономических, супружеских, родительских и т.д. Относительно изменения возрастных ролей прежде всего обращает на себя внимание проблема дисбаланса по уровню включенности в дигитализирующееся общество представителей разных поколений – так называемый «цифровой разрыв». Социологические исследования отмечают уникальный (и сейчас только ускоряющийся) для человечества процесс, когда дети или внуки (поколение «цифровых аборигенов») учат своих родителей, бабушек и дедушек (поколение доцифровой эпохи) основам функционирования в виртуальном – прежде всего сетевом – пространстве.

– *вопрос новых критериев социальной дифференциации* – в рамках анализа неравенства и стратификации на место пола, расы, национальности, уровня образования заступают персональные качества человека и его компетенции, зачастую прямо не связанные со строгими дисциплинами (физикой, математикой, медициной и т.д.), но развивающиеся на их стыках и пересечении. Уже сейчас одним из главнейших факторов социальной мобильности является «цифровая грамотность» (digital literacy) человека – своеобразный индикатор его компетентности в информационно-коммуникативной сфере. Причем эта проблема характерна не только для нашего общества, она актуальна в общемировом масштабе. Ставшие сейчас как никогда актуальными удаленные практики покажут, что главным становится умственный труд. Становит непринципиальным телесное различие, если мозг, ум работает хорошо. А таких условиях абсолютно неважно, в каком теле – мужском или женском, старом или молодом, черном или белом – находится хорошо работающий мозг. Не физическая сила, а способность к инициативе, целеполаганию, самоорганизации и т.д. становится принципиальным

3. Медиатизация и сетевизация – о месте и роли средств массовой информации в становящемся информационном обществе говорили еще в конце XX века, однако век XXI с его тотальным Интернетом перевел разговор о медиатизации как прогрессирующем влиянии СМИ на политическую жизнь общества через манеру освещения политических событий на новый уровень. На базе цифровых платформ сегодня уже сформированы и успешно развиваются совершенно новые средства массовой информации, которые принято называть «нью-медиа». Возникшие как виртуальные способы общения, передачи межличностной информации, социальные сети и мессенджеры свершили революцию и разрушили иерархическое, вертикальное информационное пространство, сделав его сетевым, горизонтальным.

– *вопрос адекватности коммуникации* – в погоне за аудиторией и рейтингами, что традиционные СМИ, что новые медиа моделируют ситуации, в которых общество оказывается предельно насыщено новостями и иным медиа-содержанием, далекими от повседневной жизни человека. Формируется совершенно особенная коммуникативная конъюнктура, когда важен не факт события, не истина, а условия, при которых решается, что истинно, а что ложно – театрализация, эмоционально окрашенный способ подачи содержания. В анамнезе современности появляются новые записи, – «хайп», «фейк», «постправда», «пузырь фильтров» и проч., – актуализирующих проблему релевантности информации как таковой и ставящих ребром вопрос авторитетности источника и содержания информации. Информационная политика почти всех современных СМИ в ситуации обострения эпидемиологической ситуации

это ярко продемонстрировала — и свою силу, и часто неспособность отделить фейк от правды;

— *вопрос потери доверия иерархиям* — вышеуказанные вопросы с проблематизацией культурных канонов и релевантности информационных источников гораздо глубже, они могут быть зафиксированы как назревшая проблема потери доверия ко всем авторитетам (от традиционных политических авторитетов, что на европейском примере мы видим в аспекте роста популизма и правых партий, до разрушения таких традиционных для общества социальных институтов как семья и брак). С другой стороны, необходимость принятия решения в кризисной ситуации пандемии вскрывает профессиональную несостоятельность популизма и неизбежно приведет к росту доверия действительно функциональных авторитетов. Вместе с тем актуализируется проблема субъектов социальной динамики и навыков самоорганизации в динамичных условиях на всех уровнях.

Это большой и сложный вопрос — сколько субъектов организуются для выживания общества, сможет ли общество само сорганизоваться для выживания в условиях пандемии или без государства никак? В пределе, неолиберализм ставил под сомнение необходимость государственного присутствия, кибероптимисты утверждали зарю новой демократии, технология распределенных регистров обещала заменить собой многие функции государства... С другой стороны, авторитарные государства вполне себе существуют, Китай демонстрирует успехи в борьбе с пандемией, киберпессимисты вангуют расцвет тоталитаризма с помощью больших данных.

— это полюса горизонтальных систем и вертикальной власти, противостояние самоорганизации и иерархии, либо *вопрос гармоничной самоорганизации общества на микро- и мезоуровне* — с самого начала дигитальной эпохи цифровая коммуникация (СМС-сообщения, социальные сети, мессенджеры) является мощным средством мобилизации и координации совместных действий миллионов людей, которая может быть как конструктивной, так и деструктивной. Примеры тому начинаются с 2001 г., когда с помощью СМС-сообщений филиппинские активисты собрали людей на демонстрацию против президента Джозефа Эстрады, позже были события «арабской весны» и целый ряд «цветных революций» по всему миру. С другой стороны, непосредственная коммуникация в цифровом пространстве играет сегодня важнейшую роль, укрепляя гражданское общество в противостоянии пандемии, приумножая коммуникативных и социально-психологический опыт, социальный капитал каждого гражданина и позволяя самостоятельно и быстро решать как локальные, так и общегосударственные проблемы всего за счет устранения посредников в виде множества передаточных, промежуточных элементов между заинтересованными сторонами, в том числе, между гражданином и государством.

Конечно, есть множество других полюсов и точек бифуркации. Цифровизация стремится к переформатированию практически всех устоявшихся моделей, практик и институтов (даже с учетом всеобщей ригидности и возможного «эффекта маятника»). Пандемия ускорит решения по всем назревшим вопросам (заданные ею темпы будут зависеть от пика экспоненты и вероятности второй волны). И решать будут социальные субъекты всех уровней, не только государства. Жизнь показывает, что разные государства очень по-разному справляются с кризисом, вызванным С-19. Полюса: Китай — централизованно, Россия — посредством попытки возврата к федерализму, по Ирану информации не хватает, а Европа прямым текстом говорит, что государства не справляются, нужна помощь общества, нужна самоорганизация...

Об этом уже писалось, но замкнем круг акцентом на ценностях — наверное, один из важнейших опытов, который мы вынесем из пандемии, будет сравнение результативности деятельности государств, силовых ведомств, корпораций и прочих иерархических структур с одной стороны, а с другой — самоорганизующихся субъектов, сообществ, горизонтальных и сетевых структур. Диалога этих сторон или их противостояния, доверия или конфронтации.

Литература

1. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Издательство Э, 2016. 208 с.
2. *Миланович Б.* Реальная опасность пандемии – социальный коллапс / Россия в глобальной политике. 2020. №2. URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/pandemiiya-kollaps/> (Дата обращения: 08.03.2020).

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КАЗАХСТАНЦЕВ С ЮЖНЫХ РЕГИОНОВ В СЕВЕРНЫЕ: АКТУАЛЬНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ И НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Кусманова А.Г.

*Евразийский национальный университет им.Л.Н. Гумилева,
Казахстан, г. Нур-Султан*

Аннотация. Данная статья актуализирует необходимость изучения процессов адаптации внутренних мигрантов в Казахстане, переселяющихся по государственной программе продуктивной занятости и массового предпринимательства «Еңбек». На основе анализа статистических и социологических данных автор обосновывает вероятность наличия у переселенцев как экономических, так и социокультурных проблем в ходе адаптации в принимающем обществе.

Ключевые слова: внутренняя миграция, переселенцы, государственная программа, мобильность рабочей силы.

На 27 января 2020 года численность населения Казахстана составила 18 917 522 человек. При этом средняя плотность населения равна 6.9 человека на квадратный километр [1]. Однако в региональном разрезе наблюдаются значительные различия в расселении населения: наиболее плотно заселена Туркестанская область, Алматинская область и Жамбылская область. Меньше всего населения на квадратный километр приходится на г.Нур-Султан, г.Алматы и Актюбинскую область (Таблица 1).

Таблица 1

Плотность населения в разрезе регионов

Регионы	Плотность населения
Акмолинская область	5
Актюбинская область	2,8
Алматинская область	9,0
Атырауская область	5,2
Западно-Казахстанская область	4,3
Жамбылская область	7,7
Карагандинская область	3,2
Костанайская область	4,5
Кызылординская область	3,4
Мангистауская область	3,9
Туркестанская область	17,1
Павлодарская область	6,1
Северо-Казахстанская область	5,7
Восточно-Казахстанская область	4,9
г.Нур-Султан	1,4
г.Алматы	2,7
г.Шымкент	8,9